

Г. Н. ГОРОДЧАНИНОВ

О разрушительной системе воспитания, противоположной духу Св. Евангелия

В чесом юнейший исправит путь свой. —

Цель законов, общественных учреждений и правительств есть та, дабы граждане, все и каждый, под благотворною их сению, свободно и безопасно наслаждались возможным в сем мире благополучием. Цель, сообразная воле всеблагото Творца, цель великая, священная!

Какое же удобнее средство к достижению сей великой цели? —

Опыты всех веков и народов свидетельствуют, что законы, самые лучшие, не производят желаемого действия, ежели юные сердца граждан не приготовлены, не образованы, не воспитаны, так сказать, к повиновению оным не за страх, но за совесть*.

У древних египтян, говорит Боссюэт**, между многими мудрыми и полезными учреждениями самое лучшее было то, что юношество воспитывалось в духе повиновения оным.

Меч правосудия, угрожающий и наказующий, действуя на нравы страхом, а не совестью, служит токмо к удержанию на некоторое время, а не к предупреждению и отвращению преступлений. Посему-то премудрая Екатерина II в бессмертном своем Наказе*** изрекла: хотите ли предупредить злодеяния, просвещайте людей, усовершенствуйте воспитание. —

* К. Рим., гл. 13, ст. 5.

** См.: Hist. Univ. Par Bossuet. T. 2. Ch. 3.

*** Наказ. Стр. 243 и 249.

Изречение достойное души великой! — Воспитание приготовляет судьбу народов и государств, благосостояние их, или бедствие, сила или упадок непосредственно проистекают из доброго или худого нравственного граждан образования. Чтоб законы имели свое полное действие, чтоб каждой безопасно пользовался своею собственностью, чтоб союзы гражданские и семейственные были тверды и неразрывны, чтоб покорность к родителям, повиновение к предрержащим властям, верность к престолу, любовь к Отечеству были для всех и каждого священны, для сего необходимо потребно усовершенствовать воспитание.

Но что значит усовершенствовать воспитание? — В чесом юнейший исправит путь свой? —

Усовершенствовать воспитание значит усовершенствовать волю, преклонять ее к безусловному всегда и везде повиновению благой, угодной и совершенной воле Божией, да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован*. Где изображена сия воля Божия? — Во Святом Евангелии. — Следовательно, в сем токмо небесных истин сокровище содержатся святые, непоколебимые основания истинного воспитания**, а не в мудрованиях, не в системах лжеименного разума.

Но служители князя тьмы, сии звезды прелестные, им же мрак тьмы во веки блюдется***, которых в XVIII столетии изрыгнул на землю ад под гордым названием философов, приняли святотатственное намерение потрясти, поколебать, разрушить самое основание чистейшия нравственности, Св. Евангельское учение. Сии мнимые просветители или, лучше, омрачители людей представляли Святейшие Евангельские истины, ужасаюсь даже повторить их слова, в виде предрассудков и суеверия, а главнейшие добродетели человеческие называли слабостью, дабы, испровергнув сей крепкий оплот, освободить человека от всех священных его обязанностей. Посему-то беспрестанно твердили они о какой-то естественной свободе. Посему Оракул их, Ж.-Ж. Руссо, предприняв перевоспитывать род человеческий, основал воспитание на сей же самой свободе естественной.

* К Тим. 2-е, гл. 3, ст. 17.

** Основание же иного никто же не может положить паче лежащего, еже есть Иисус Христос. — К Корин. 1-е, гл. 3, ст. 11.

*** Посл. Иуд., ст. 13.

«Первое из всех благ, — говорит он*, — есть свобода. Человек, совершенно свободный, делает, что ему угодно. Вот мое основательное правило. Нужно только его отнести к младенчеству, то все правила воспитания (т. е. революционно-го) из того воспоследуют». — И так все правила воспитания выводятся из сего начала: делай, что тебе угодно, т. е. отвергай Евангелие, не повинуйся предрержающим властям и законам, отнимай у другого имение, жизнь, честь, притесняй слабого, нарушай клятву, лжесвидетельствуй, ежели твои выгоды сего требуют, ищи одной только своей пользы, хотя б это было и со вредом другого, предавайся всем порокам и вовлекай в оные ближнего твоего, словом: делай, что тебе угодно. Тогда будешь обладать первым из всех благ, будешь человек совершенно свободный. Вот система воспитания, из которой произошла Французская революция**.

Евангелие, освобождая нас от пагубного ига страстей и пороков, покоряет благу и спасительному игу Христову: Свобождшеся же от греха, поработитесь, правде***.

Лжемудрие, напротив того, лелея в колыбели свободы, равенства и независимости какого-то естественного человека, воспитывает вольнодумца, не признающего никаких законов, никакой над собою власти, своевольного, необузданного, наглопреддающегося всем своим страстям, попирающего ногами святыя обязанности Христианина, гражданина, верноподданного, отца, сына, супруга, незнакомого с сладостным, небесным удовольствием благотворительности и дружбы, но совершенного эгоиста, злобного и мстительного, стыд и поношение человечества, буйное, мятежное, словом, то революционное чудовище, которое в стране просвещения и вкуса, пред глазами нашими, испровергло престол и жертвенник и заразило все ядовитым своим дыханием.

В доказательство сего приведем некоторые разрушительные правила из сей пагубной системы воспитания и оным противоположим Святыя Евангельские истины, да свет во тьме светится****.

* В книге своей под названием: Емилъ, или [О] воспитании. Т. 1, ст. 169.

** Якоже и с вам будут лживии учителя, иже внесут ереси погубели. — 2-е Пет. Гл. 2, ст. 1.

*** К Рим. г. 6, с. 18. (II) к Гал., гл. 5, ст. 13.

**** Еванг. от Иоанна, гл. I, ст. 5.

Чтоб снять узду со страстей и дать полную, Естественную свободу пагубному их стремлению, воспитатели революционного человека начали дело свое с нападения на Христианскую Религию. Сие нападение делают они не прямо, но косвенно: ибо, с одной стороны, признают ее святость, с другой — силятся испровергнуть главнейшие оной истины.

Изберем кратчайший путь: противоположим Ж.-Ж. Руссо ему же самому. Пусть оракул лжемудров сам себя и опровергает.

Руссо, в 3-м томе своего «Эмиля», на стр. 165 говорит: «Признаюсь вам, что величество Св. Писания, святость Евангелия, сердцу моему говорит. Как малы пред оным книги Философов, со всею их пышностью! — Возможно ли, чтоб книга, и столь высокая и столь простая, человеческое было сочинение? Возможно ли, чтоб тот, о котором история идет, человек только был? Находится ли в книге сей ток Энтузиаста или гордого сектатора? Какая кротость, какая чистота во нравах его! Какая трогаящая приятность в наставлениях его! Какое возвышение в правилах его! Какая глубокая мудрость в речах его! Какое присутствие духа, какая тонкость и верность в ответах его! Какая власть над страстями своими! Где человек, где мудрец, который без слабости и тщеславия умеет действовать, терпеть и умереть?» — Ниже сего: «Где Иисус взял у своих оное высокое и чистое правоучение, которого уроки и пример он только один преподавал? Среди самого бешеного фанатизма услышана высочайшая мудрость и самые героические добродетели».

После сего чтоб мог подумать, чтоб он явно противоречил духу сего самого Евангелия, как то увидим из нижеследующего?

1. В предложении моем, говорит Руссо в своем «Эмиле», на стр. 129, 3-го тома, вы видите только натуральную Религию, весьма странно, чтоб нужна была другая, т. е. и Христианская. — Но не сей ли Иисус Христос, которого он признает Богочеловеком, которого учение называет высоким и чистым, вещает у Иоанна: (гл. 14, ст. 6) Аз есмь путь и истина и живот: никтоже придет ко Отцу, токмо мною.

2. В какой Религии воспитаем его? т. е. Эмиля, вопрошает Руссо, на стр. 331, 2-го тома. — Ответ весьма простой. Кажется мне, не присоединим его ни к той, ни к другой, но поставим в состояние ту избрать, в которой наилучшее употребление разума вести его долженствует. — Но не сам ли он говорит в 3-м томе, на стр. 74: Нет ничего лучше, как прилепляться к духу Евангелия, в котором учение простое и нравственность высокая. Не опровергает ли Руссо сам себя,

говоря на стр. 91, т. 3-го: Разум весьма часто нас обманывает? — Ж.-Жак не вопреки ли себе говорит на стр. 330, т. 2-го: Младенец в отцовской Религии воспитан быть должен. Как же? то отдает ему религию на выбор, то назначает ему отцовскую.

3. Хотят ли благочестивым сделать младенца? — в церковь скучать ведут (стр. 227, т. 1). — И так, советуя прилепляться к духу С. Евангелия, в то же время запрещает младенцев водить в церковь, в сие святейшее училище Христиан, где от юности научаемся мы едиными усты и единым сердцем славить и воспевати Троиственного, откуда единомыслие и единодушие, те великие силы, связующие союзы гражданские и семейственные. Тогда приведоша к нему дети (Мат., гл. 19, ст. 13 и 14), да руже возложить на них, и помолится: ученицы же запретиша им. Иисус же рече им: оставите детей, и не возбраняйте им прийти ко мне: таковых бо есть царство небесное.

После сего мнимый просветитель рода человеческого, запретив питомцу своему вход в церковь, предлагает ему следующее нечестивое учение.

1. Относительно бытия Божия.

Руссо говорит: (т. 3, стр. 56). Одно ли вещей начало, два или многие. И какая натура оных, я о том ничего не знаю, и какая нужда мне в том. Явное себе противоречие! Признает святость Евангелия и в то же время говорит, что ничего не знает о том, имже вся быша, и без кого ничтоже бысть, еже бысть (Иоан., гл. 1, ст. 3). Признавать Евангелие и вместе утверждать, что не нужно знать свойств Божиих! Ежели не знаю Божиих совершенств, то не могу знать и моих обязанностей к тому, им же дышем, движемся и есмы.

2. Относительно благодати Божией.

Не понимаю, говорит Руссо (т. 2, стр. 19), как бы Тот, кто ни в чем нужды не имеет, любить мог что-нибудь; не понимаю, как бы Тот, что не любит ничего, мог быть блажен. — Так говорит тот, который сказал о Евангелии: возможно ли, чтоб книга, и толь высокая, и толь простая, человеческое было сочинение? А в сей Божественной книге изображено: (Иоан., гл. 15., ст. 9 и 10) Якоже возлюбил мя Отец, и аз возлюбил вас: будите в любви моей. Аще заповеди моя соблюдете в любви моей, якоже аз заповеди отца моего соблюдох, и пребываю в его любви. — О сем есть любви, говорит С. Евангелист Иоанн, (пос. 1, гл. 4, ст. 10). Не яко мы возлюбихом Бога, но яко Той возлюбил нас.

3. Относительно правосудия Божия.

Провидение, по словам г. Руссо, не препятствует человеку делать зло, хотя со стороны столь слабого существа, зло есть ничто в Его глазах (т. 3, стр. 71). Ежели б зло, или грех, был ничто; то Предвечный Отец не послал бы в мир единородного сына своего, да от грех избавивше, правдою поживем (Пет. 1, гл. 2, ст. 24).

4. Относительно откровения.

Что хочет Бог (т. 2, стр. 162), чтоб делал человек, сказать ему о том не заставляет другого человека, т. е. Пророков и Апостолов. Всегда Руссо сам себе противоречит. Не сам ли он говорит: возможно ли, чтоб тот, о котором идет история (т. е. И. Х.), человек только был? — Сей-то Богочеловек заставляет Апостолов сказать волю свою всему роду человеческому: шедше убо, научите вся языки. Крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа, — учаще их блюсти вся, елика заповедах вам (Мат., гл. 28, ст. 19 и 20).

5. Относительно бессмертия души и жизни будущего века.

Верю, говорит Ж.-Жак, на стр. 80, т. 3, что душа переживает тело; но кто знает, довольно ли сего для всегдашнего ее пребывания? — Он же продолжает: какая нужда искать ада в другой жизни? — В этой он, в сердце злых (т. 3, стр. 84). — Не явное ли себе противоречие? — Признает Евангелие — и сомневается о бессмертии души, о котором Спаситель упоминает у Св. Евангел. Иоанна в гл. 5, ст. 29; И изыдут сотворшии благая в воскрешение живота, а сотворшии злая в воскрешение суда. — Признает Евангелие, а не верит Божественному гласу его, глаголющему у Св. Еванг. Матфея: (Гл. 25, ст. 41) Тогда речет и сущим ошуюю его: идите от мене проклятии во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелам его. —

6. Относительно общественного состояния.

Или человеком воспитывать, восклицает Руссо (т. 1, стр. 9), или гражданином; понеже вдруг не можно тем и другим сделать, — т. е. воспитывать буйным, мятежным, революционным чудовищем, которого страсти не обузданы ни Религиею, ни священной властью Государя, ни спасительною силою законов и гражданских постановлений, который, по Руссовой системе воспитания, по праву какой-то мнимо естественной свободы, делает, что ему угодно. Посему-то защитник сей свободы в революционном исступлении вопиет: (т. 1, стр. 158) бедные человеки! вы всегда говорить будете: мы хотим, а всегда будете делать то, что другие хотят. Сие нечестивое мнение опровергается сими С. А. Павла словами: (к Римл.,

гл. 6, ст. 22) ныне же свободшеся от греха, порабоцшеся же Богови, имате плод ваш во святыню. В сей-то свободе обновленного нашего естества надлежит воспитывать юношество, да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован (К Тим. 2, гл. 3, ст. 17).

Движимый революционными чувствованиями, сей оракул нечестия присовокупляет: (т. 1, стр. 13) оба сии слова, Отечество и гражданин, выброшены должны быть из новейших языков. — Когда у древних, во мрак идолопоклонства погруженных народов, Египтян, Персов, Греков и Римлян, наименования Отечества и гражданина были священны; то что надлежит думать о таком писателе, который, при сиянии светлейшей солнца истины, говорит об оных столь ненавистным презрением?

Покажем еще, как он сам себе противоречит. В одном месте (стр. 50, т. 4) говорит у него воспитатель своему питомцу: хотите ли состояние ваше утвердить на гражданских отношениях, которые непрестанно на волю ближнего передавать вас будут. А в другом сам себя опровергает (стр. 102, т. 2). Тот человек, который бы желал видеть себя как удаленное существо, не завися ни от чего и собою самим довольствуясь, был бы несчастным. Но и сему мнению своему сам же противоречит (стр. 156, т. 1). О человек! во внутренности своей бытие свое заключи, и не будет более несчастен. — Истина всегда и везде сама с собою сходна, а заблуждение само себя опровергает.

7. Относительно Законов.

Мы сотворены, говорит он (т. 1, стр. 162), быть человеками; законы и общество опять во младенчество нас погрузили. Блаженное младенчество! Да злобою младенствуем, говорит св. Ап. Павел. А Спаситель наш изрек: (Мат., гл. 18, ст. 4) аще не обратитесь, и будете, яко дети, не увидите в царство небесное.

Всеобщий дух Законов всех земель, продолжает Руссо, есть ободрять сильного противу слабого. Бесстыдная клевета! — Напротив того, дух Законов есть тот, дабы сильный не угнетал слабого, дабы все и каждый, под благотворною их защитою, наслаждались возможным в сем мире благополучием. — Боже! Суд Твой Цареви даждь, говорит Премудрый царь Израильский — судите людем Твоим в правде яко избави ница от сильна, и убога, ему же не бе помощника — от лихвы и от неправды избавить души их (Псал., 71, ст. 1, 2, 12 и 14).

Руссо сам же и осуждает себя за сие нечестивое учение (т. 3, стр. 74). В ожидании большего просвещения, говорит он,

да храним общественный порядок, да чтим во всякой земле законы, да не возмущаем Богопочитания, предписуемого оными; да не приводим граждан к неповиновению: ибо не знаем верно, благо ли для них оставит мнения свои для других, а знаем верно, что не повиноваться законам зло. Но чтит ли тот законы, кто говорит, что они ободряют сильного противу слабого? Чрез сие не приводит ли он граждан к неповиновению, не нарушает ли общественный порядок?

8. Относительно общества иных заведений и обычаев.

На стр. 14-й, т. 1-го Жан-Жак называет училища смешными заведениями. В сих, по словам его, смешных заведениях и он учился; но там не учили его самому себе противуречить, как, напр., на стр. 20 1-го т. говорит: в рабстве рождается общественный человек, живет и умирает. Но там же и опровергает себя сими словами: (т. 4, стр. 181 и 187). Умствующий и философствующий дух подкапывает истинные основания общества. Сии основания, по словам А. Павла, состоят в том, да не свобода наша в вину плоти, но да любовию работаем друг другу (Гал., гл. 5, ст. 13) или: друг друга тяготы да носим (Там же, гл. 6, ст. 2).

9. Относительно добродетелей.

Все, по подражанию, добродетели, говорит Руссо, суть обезьянины добродетели. — Но человек не все ли делает чрез подражание? Подражание не есть ли основа наших привычек, добрых и худых? Со избранным избран будешь, со строптивым развратишься, говорит царственный Псалмопевец (Пс. 17, ст. 22). Подражание есть основа навыка, или науки. Подражая изящным образцам, мы сами мало-помалу делаемся изящны, — и наоборот. Не происходит ли подражательная способность из самой человеческой природы, из того образа и подобию Божия, по которому сотворен человек? — Разве забыл г. Руссо, что тот, которого глубокой мудрости и высоким правилам (стр. 165, т. 3) он удивляется, на тайной вечери повелевает Апостолам подражать ему: вы глашаете мя Учителя и Господа, и добре глаголете: есмь бо. Аще убо умых ваши нове, Господь и Учитель, и вы должны есте друг другу умывати нозе. Образ бо дах вам, да, якоже аз сотворих вам, и вы творите (Иоан., гл. 13, ст. 14 и 15).

На стр. 240 т. 2-го, говорит он, что истинное благотворение никогда не делает неблагодарным. Мнение ложное! — Спаситель не истинное ли оказал благотворение десяти прокаженным мужам, но один только из них — и тот Самарянин — принес благодарность своему Благодетелю, который спросил

его: не десять ли очистишася, да девять где? како не обретошася воздати славу Богу, токмо иноплеменник сей? (Луки гл. 17, ст. 12 и 19).

Доселе оракул лжемудров XVIII столетия сам опровергал свое химерическое, зловредное учение; теперь пусть он же сам опровергает и последователей своих, которые, в чаду философия, бредили и бредни свои выдавали за некие священные истины. Покажем некоторые пагубные мнения из их разрушительной системы воспитания.

Один из них питомцам лжемудрия представляет в виде слабости Богоподобную, украшающую человека добродетель. Благодеяние, говорит Кондорсет (смотри жизнь Тюр, соч. Кондорсета), есть не что иное, как слабость, ежели оно не служит к пользе общественной¹. Сей же писатель, выхваляя пагубнейшую из страстей, ненависть, проповедует, что только великие души умеют ненавидеть, только честные люди никогда не мирятся² (там же), вопреки сему спасительному учению Господа нашего (Мат., гл. 5, ст. 44): Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас.

Другой, раздувая огонь страстей в пылкой юности, говорит (Гельвеций в книге своей: о Духе), что умеренные страсти образуют людей обыкновенных; что чувство есть душа страстей; но как чувство от нас не зависит: ибо мы любим и ненавидим, сами не зная, почему и от чего это делается: следственно, никого не надлежит обвинять в преступлении³. — Это по системе воспитания Руссовой, по праву мнимо естественной свободы: делай, что тебе угодно. Сей же писатель утверждает, что стыдливость есть предрассудок и лицемерие и что даже развращение нравов не противно величию и благоденствию Государств⁴ (Там же).

Другой, сиясь расторгнуть священный союз детей с родителями и связи родственные, провозглашает (Гелв. о Духе), что для блага Отечества должно истребить любовь между детьми и родителями; — что связи между родителями и детьми вредят связям гражданским и производят только одни пороки под видом добродетелей; — что выгоды семейств, всегда противоположные выгодам общественным, наконец погасят в душах всю любовь к Отечеству; — что для предохранения народов от бедствий надлежит разорвать между людьми все связи родств и всех граждан объявить детьми Государства, что это одно средство истребит пороки⁵.

Наконец, по новой Эпикурейской системе, совсем не должно помышлять о смерти. Смерть (Волтер) ничто; только

образ ее страшен. Не станем думать о ней, будем жить для настоящего дня; вставая с постели, будем говорить себе: как бы нынешний день провести с удовольствием^б. — О сих-то лжеумудрах сказано: (Прем., Гл. 2, ст. 6) Приидите, насладимся настоящих благих, и употребим создания, яко в юности, скоро. — И самые язычники помышляли о смерти. При дворе Филиппа, Македонского Царя, находился особенный чиновник, которого вся должность состояла в том, что ежедневно поутру входил он к Государю в спальную комнату и говорил ему следующие слова: Филипп, помни, что ты смертный.

Вот и опровержение сих пагубных мнений из уст самого оракула сих лжеучителей, на которого они, как на своего руководителя, всегда и везде ссылаются.

Бегайте тех, говорит Ж.-Ж. Руссо, на 181 и 187 стр. 4-го т. в своем «Эмиле», кои, под видом изъяснения природы, сеют в человеческих сердцах пагубные учения. — Под гордым видом, что они только одни просвещены, правдивы, добросовестны, властелински покоряют нас своим приговорам и хотят за истинные начала вещей дать нам непонятные системы, кои в воображении своем составили. — Наконец, опровергая, разрушая, попирая ногами все, что чтят человеки, у оскорбленных отнимают последнее в бедствии утешение, у сильных и богатых — единственную страстей узду, исторгают из глубины сердец грызение злодейства, надежду добродетели, и хвалятся еще быть благотворителями человеческого рода.

Там же ниже:

Неверие и вообще умствующий и философствующий дух подкапывает истинные основания общества. Ибо то, что частные выгоды имеют общего, есть толь мало, что никогда не будет в равновесии с противоположным.

Там же ниже:

Философия никакого блага не может сделать, которого бы еще лучше не сделала Религия, а Религия много делает такого, чего не могла бы философия сделать. Новейшие наши правительства неоспоримо Христианству одолжены своею твердою властью и не столь частыми переменами: Христианство внушило им более человеколюбия. Сие доказывается сравнением оных с древними правительствами. Перемена сия не наук дело: ибо везде, где оные процветали, человеколюбие от того не более уважено было. Сие доказывают жестокости Афинян, Египтян и римских Императоров.

Наконец Руссо произносит сей торжественный суд и на самого себя и на своих последователей: (Т. 3, стр. 27). Хотя Философы и были бы в состоянии открыть истину, но кто бы из них сторону ее взял? каждый очень знает, что его система не лучше других основана, однако ж поддерживает ее для того, что она его.